

УДК 1 (28)
ББК 87.3
К-47

Кириченко Олег Игоревич, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и педагогики факультета новых социальных технологий Майкопского государственного технологического университета, e-mail: olegkir@rambler.ru.

**ИБН ТУФЕЙЛЬ И ФОМА АКВИНСКИЙ
О ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ БОГА**
(рецензирована)

В данной статье рассматривается одна из центральных проблем средневековой схоластической философии – проблема доказательства существования бога. Приводится сравнительная аргументация арабисламского мыслителя Ибн Туфейля и крупнейшего западного схоласта Фомы Аквинского.

Ключевые слова: бог, сущее, причинность, перводвижитель.

Kirichenko Oleg Egoevich, candidate of Historical Sciences, senior lecturer of chair of philosophy, sociology and pedagogic, new social technologies faculty of Maykop State Technological University, e-mail: olegkir@rambler.ru.

IBN TUFEYL AND FOMA AKVINSKIY ABOUT PROOFS OF GOD'S EXISTENCE

In this article a central problem of medieval scholastic philosophy is considered – the problem of proof of God's existence. The author cites comparative arguments of Arab-Islamic thinker Ibn Tufeyl and the most famous Western scholiast Foma Akvinskiy.

Keywords: god, existing, causality, driver.

Доказательство существования бога – одна из центральных проблем средневековой схоластики. Причём многие справочные и учебные пособия по философии представляют дело так, что это чисто западноевропейское явление. При перечислении имён представителей разных этапов схоластики упоминаются исключительно христианские философы: Ансельм Кентерберийский, Гильом из Шампо, Росцелин, Пьер Абеляр (ранняя схоластика), Альберт Великий, Сигер Брабантский, Фома Аквинский (зрелая схоластика), Иоанн Дунс Скотт, У.Оккам (поздняя схоластика). Крайне редко упоминаются имена арабских мыслителей, даже таких «титанов» средневековья как Ибн Рушд (Аверроэс), Ибн Сина (Авиценна), а также иудея Маймонида. При этом замолчать их влияние на развитие зрелой и поздней схоластики невозможно, хоть и вскользь, но об этом пишут в серьёзных академических изданиях.

Однако кроме «топовых» фигур арабо-исламская философия насчитывает в своих рядах не менее достойных, но, к сожалению, основательно позабытых имён, значение которых европейские историки философии стараются не замечать. К числу таких «забытых» мыслителей можно отнести Ибн Туфейля. Именно попытке проанализировать влияние его идей на центральную концепцию «Суммы теологии» Фомы Аквинского и посвящена данная статья.

О жизни Ибн Туфейля (латинизированное имя – Абубацер) можно сказать следующее: родился в Вади-Аш (в районе Гранады, Испания) около 1110 г. Зрелые годы своей жизни философ провел, работая в качестве врача в Гранаде, а затем секретарём при гранадском правителе и при эмире Танжера (Марокко) Абу-Саиде. Уже в преклонном возрасте Ибн Туфейль становится визирем при дворе Альмохадов и одновременно занимает должность лекаря при халифе Абу Якубе Юсуфе Аль Мансуре (1163 – 1184 гг.). Во дворце Аль Мансура Ибн Туфейль общался со многими знаменитыми учеными тогдашней Андалусии. В эти же годы (около 1169 г.) он познакомился с Ибн Рушдом, с которым у него впоследствии установились тесные дружеские отношения и для которого он вскоре выхлопотал место первого придворного врача. Умер Ибн Туфейль в Марокко в 1185 г.

Как и другие арабские мыслители средневековья, Ибн Туфейль был ученым широкого кругозора: он интересовался и медициной, и математикой, и астрономией, и поэзией. По

свидетельству современников, им были составлены два трактата по медицине. В своем комментарии к «Метеорологии» Аристотеля Ибн Рушд сообщает о том, что Ибн Туфейлю принадлежала работа о «населенных и ненаселенных областях земли». О том, что Ибн Туфейль создал собственную космологическую теорию, «свободную от ошибок» и построенную «на новых началах, нежели те, что были установлены Птолемеем», говорит арабский астроном Аль Битрауджи. Однако основные научные интересы Ибн Туфейля были связаны с философией. При этом главное внимание он уделял вопросам познавательной деятельности человека.

Единственное произведение Ибн Туфейля, сохранившееся до наших дней, – это философская повесть «О Хайе, сыне Якзана» (полное название – «Трактат о Хайе, сыне Якзана относительно тайн восточной мудрости, извлеченных из зерен сущности высказываний главы философов Абу Али Ибн Сины имамом, знающим, и совершенным философом Абу Бекром Ибн Туфейлем»).

Считается, что это произведение, повествующее о естественном развитии человека и его мышления, было переведено на латинский язык только в XVII в., но вряд ли эта информация достоверна, так как имя Ибн Туфейля было хорошо знакомо средневековой Европе, не случайно оно получило латинизированный вариант. К настоящему времени «Повесть о Хайе, сыне Якзана» переведена почти на все европейские языки.

В романе рассказывается о росте и становлении личности в «естественных» условиях. Конечно, многое в этом повествовании выглядит наивным и утопичным. Трудно представить, чтобы человек с раннего детства оказавшийся в изоляции на необитаемом острове мог развить в себе недюжинный интеллект, научиться оперировать абстрактными философскими категориями вплоть до попытки проникнуть во все тайны мироздания.

На определенном этапе своего духовного развития Хайе понадобилось рациональное доказательство существования более мощной силы, чем окружающая природа, подверженная изменению, старению и смерти: «... для мира должно иметься некое действующее начало, и оно не есть тело» [1]. Так герой приходит к идее бога.

Но ему мало веры, он пытается привести логические доказательства существования бога. И первый же аргумент, приведенный Ибн Туфейлем, девяносто лет спустя мы встретим у Фомы Аквинского. Сравним аргументы.

Сначала слово Ибн Туфейлю «Для всякого же движения по необходимости должен быть двигатель, а двигатель бывает либо силой, заключенной в каком-то теле, будь то тело самого двигателя или другое, внеположенное ему тело, либо силой, ни в каком теле не заключенной и не разлитой. Всякая сила, заключенная и разлитая в каком-нибудь теле, распадается на части вместе с его делением и умножается вместе с его увеличением... Но, как было уже доказано, всякое тело имеет конечную величину, а раз так, то и всякая сила в теле должна иметь непременно конечную величину. Таким образом, если бы мы нашли силу, совершающую какое-то бесконечное действие, то это была бы сила, не заключенная в теле. Между тем небесная сфера пребывает в бесконечном и непрерывном движении, поскольку, по предположению нашему, она извечна и безначальна. Отсюда с необходимостью следует, что приводящая ее в движение сила не заключена ни в теле сферы, ни в каком-то внеположенном ему теле. А раз так, то эта сила принадлежит чему-то такому, что отрешено от тел и чему нельзя приписать никаких признаков телесности» [2].

Теперь аргументы Аквината. «...Бытие божие может быть доказано пятью путями. Первый и наиболее очевидный путь исходит из понятия движения. В самом деле, не подлежит сомнению и подтверждается показаниями чувств, что в этом мире нечто движется. Но все, что движется, имеет причиной своего движения нечто иное: ведь оно движется лишь потому, что находится в потенциальном состоянии относительно того, к чему оно движется. Сообщать же движение нечто может постольку, поскольку оно находится в акте: ведь сообщать движение есть не что иное, как переводить предмет из потенции в акт. Но ничто не может быть переведено из потенции в акт иначе, как через посредство некоторой актуальной сущности; так, актуальная теплота огня заставляет потенциальную теплоту дерева переходить в теплоту актуальную и через это приводит дерево в изменение и движение. Невозможно, однако, чтобы одно и то же было одновременно и актуальным, и потенциальным в одном и том же отношении, оно может быть таковым лишь в различных отношениях. Так, то, что является актуально теплым, может одновременно быть не потенциально теплым, но лишь потенциально холодным. Следовательно, невозможно, чтобы нечто было одновременно, в одном и том же отношении и одним и тем же образом и движущим, и движимым, —

иными словами, было бы само источником своего движения. Следовательно, все, что движется, должно иметь источником своего движения нечто иное. Следовательно, коль скоро движущий предмет и сам движется, его движет еще один предмет, и так далее. Но невозможно, чтобы так продолжалось до бесконечности, ибо в таком случае не было бы перводвигателя, а следовательно, и никакого иного двигателя; ибо источники движения второго порядка сообщают движение лишь постольку, поскольку сами движимы первичным двигателем, как-то: посох сообщает движение лишь постольку, поскольку сам движим рукой. Следовательно, необходимо дойти до некоторого перводвигателя, который сам не движим ничем иным; а под ним все разумеют бога» [3].

Как видим «доводы о перводвигателе» схожи вплоть до формулировок. То же самое можно сказать и о втором аргументе – «доводе о причинности». Ибн Туфейль: «По отношению к существующим вещам это начало [бог], следовательно, выступает как причина, а те по отношению к нему — как обусловленное причиной, все равно, стали ли они существовать после того, как их не было, или у них не было начала, с точки зрения времени, и небытие никак их не предвзяло. В том и другом случае они суть вещи, причинно обусловленные и нуждающиеся в действителе, от которого зависит их существование» [4].

У Фомы Аквинского находим: «Второй путь исходит из понятия производящей причины. В самом деле, мы обнаруживаем в чувственных вещах последовательность производящих причин; однако не обнаруживается и невозможен такой случай, чтобы вещь была своей собственной производящей причиной; тогда она предшествовала бы самой себе, что невозможно. Нельзя помыслить и того, чтобы ряд производящих причин уходил в бесконечность, ибо в таком ряду начальный член есть причина среднего, а средний — причина конечного (причем средних членов может быть множество или только один). Устраняя причину, мы устраняем и следствия. Отсюда, если в ряду производящих причин не станет начального члена, не станет также конечного и среднего. Но если ряд производящих причин уходил бы в бесконечность, отсутствовала бы первичная производящая причина; а в таком случае отсутствовали бы и конечное следствие, и промежуточные производящие причины, что очевидным образом ложно. Следовательно, необходимо положить некоторую первичную производящую причину, каковую все именуют богом» [5].

Схожесть аргументов в таком важном для схоластики вопросе как доказательство бога вплоть до формулировок свидетельствуют о том, что Фома Аквинский находился под серьезным влиянием своего арабского предшественника Ибн Туфейля. Вопрос не в том, чтобы обвинить великого европейского мыслителя в плагиате и «привлечь к ответу». Скорее стоило бы спросить о соблюдении научной корректности у авторов многочисленных справочных и учебных пособий по истории философии, которые вольно или невольно замалчивают арабо-исламскую философию, её значение и влияние на развитие европейской мысли.

Литература:

1. Ибн Туфейль Повесть о Хайе, сыне Якзана / пер. и вступ. ст. А.В. Сагадеева. М.: Книга, 1988. С. 24.
2. Там же. С. 33.
3. Фома Аквинский Сумма теологии. М.: Савин С.А., 2007. Т 2. С. 598.
4. Ибн Туфейль Указ. соч. С. 34.
5. Фома Аквинский. Указ. соч. Т. 2. С. 603.